

**О.Р.Хомякова, доцент кафедры русской
и зарубежной литературы БГПУ имени М.Танка**

**Роман о жизни и смерти
(о романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин»)**

Сквозной образ заветного произведения Пушкина, романа, которому поэт отдал более семи лет жизни, - образ человека, летящего навстречу смерти. Главный герой романа Евгений Онегин представлен читателю как «наследник всех своих родных» (1, П), наследник тех, перед кем отворились или отворяются «двери гроба» (2, XXXVI). С первой строфы звучит главная тема романа – тема жизни и смерти. Роман начинается с известия о смертельной болезни дяди Онегина, заканчивается воспоминанием о тех, кому автор когда-то читал первые строфы романа и кто не дожил до его завершения: «Иных уж нет, а те далече» (8, LI). В романе то вскользь упоминается, то обстоятельно повествуется о смерти отца и дяди Онегина, родителей Ленского, отца Татьяны, няни и ее (няни) свекрови. Пишет надгробный мадригал Дмитрию Ларину и своим родителям Ленский. А немного времени спустя экзюмка Онегина в разговоре с Татьяной вспоминает покойного Ленского. И автор помнит о покойном поэте, который увидел в юном Пушкине дар: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил» (8, П).

«Праздник жизни» представлен ограниченным во времени («Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил, не допив до дна / Бокала полного вина ...» (8, LI) и изображен на фоне то едва мерцающей в неясном отдалении, то вплотную приближающейся к кому-то из героев романа смерти. И если читатель этого не замечает, то, скорее всего, потому, что находится в русле мыслей и чувствований главного героя.

«Летя в пыли на почтовых» (1, П), Онегин никоим образом не озабочен тем, что и ему рано или поздно предстоит стать пылью, «данью, готовой земле» (1, LP). Пушкин создает образ человека, равнодушного к смерти и жизни, к окружающим и к себе самому. Для главного героя романа в отличие от автора жизнь вовсе не кажется праздником. Евгений Онегин основной части романа изображается в тот период его жизни, когда представляется, что нет смысла в существовании – своем ли, чужом ли, когда человек живет по инерции, собственно, не живет, а исполняет «обряд жизни» («глядеть на жизнь, как на обряд» - 8, XI), механически переходя от одного положения к другому. «Там скука, там обман иль бред; / В том совести, в том смысла нет...» (1, XLIV), – таков суровый приговор, который выносит Онегин как книгам, которыми он пытается спастись от бессмысленности жизни, так и самой жизни. «Траурной тафтой» задергивает Онегин полку с книгами («И полку с пыльной их семьей, / Задернул траурной тафтой» (1, XLIV). Все, что ценится другими, - жизнь, дружба, любовь, семья, искусство, - Онегину видится пылью, рассыпающейся в прах от малейшего прикосновения. Так появляется образ «пыльной семьи», который вбирает в себя представления героя не только о книгах, но о людях,

женщинах, жизни. «Как женщин, он оставил книги...» (1, XLIX) – фиксирует автор уход Онегина от жизни, искусства. «Он застрелиться, слава богу, / Попробовать не захотел, / Но к жизни вовсе охладел» (1,XXXVIII), – такова ситуация, в которой Онегин, полагающий, что его жизнь кончена, получает известие о близкой кончине дяди.

Личность умирающего родственника столь же мало занимает Онегина, как и все прочее. Евгений, поселившийся в унаследованном доме и даже в той комнате, в которой жил дядя («Он в том покое поселился, / Где деревенский старожил...» - 2, III), уверен в своей абсолютной инаковости, несхожести с человеком, от которого получил наследство. Дядя заставил себя «уважать» только фактом смертельной болезни, предвещающей скорое получение наследства, – «когда не в шутку занемог». Иных поводов для уважения Онегин не находил. Пушкин показывает подобное отсутствие родственных чувств как типичное явление: «Про одно имение наследников сердитый хор / Заводит непристойный спор» 7, XI), между прочим ненавязчиво указывая читателю на иллюзорность мнения героя об исключительности собственной личности. Люди не помнят даже тех, кого, казалось, любили. Быстро забыла Ленского Ольга: «равнодушное забвенье / За гробом ожидает нас» (7, XI). «Охотники до похорон» ((1,LIII) не любят думать о смерти, проводящей роковую черту между известным и ожидающей каждого неизвестностью. В лучшем случае они следят за временем, в большинстве своем мало думая о вечности. Разве что в стихах романтика Ленского появляется неопределенное дистанцирование от сиюминутного («Он пел разлуку и печаль, / И нечто, и туману даль» - 2, X), слишком книжное, чтобы можно было его воспринимать как жизненную позицию.

Составляя подводное течение сюжета, мысль автора о вечных законах жизни вырывается на поверхность в лирических отступлениях. Одной из таких закономерностей является смена поколений:

Увы! На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут (2, XXXVIII)

И когда-нибудь жертвой «мгновенной жатвы» станут и Онегин, и автор, и читатель:

Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас! (2, XXXVIII)

Заслужит ли Онегин уважение своих наследников? Или ему придется заставить себя уважать дядиным способом? Неужели человек живет только для того, чтобы в урочный час оказаться «данью, готовой земле»? Онегин, спешащий к дяде, лица смерти не видит и о конечности собственной жизни не думает, озабоченный неудобством ожидания дядиного конца: «Вздыхать и думать про

себя, / Когда же черт возьмет тебя?» (1, I). Автор же пытается представить себя перед лицом смерти: «Без неприметного следа / Мне было б грустно мир оставить» (2,XXXIX). Но и герой, утративший интерес к жизни, и автор, думающий о смысле жизни, представлены в романе вовлеченными в безостановочное течение времени – необратимого, не позволяющего вернуть то, что осталось в прошлом. «Река времен» (Г.Р.Державин) несет человека от известного в неизвестность.

Известное об Онегине автор резюмирует несколькими строками: «Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов» (8,ХП). Автор окружает героя многочисленными приметами времени. Весна, лето, осень и зима сменяют друг друга в их неповторимом очаровании. За утренней прогулкой следует обед: «Уж тёмно: в санки он садится» (1,ХУI). В Петербурге Онегин встает поздно и обедает, когда уже темно. Следуя принятому в свете распорядку жизни, Евгений живет «утро в полночь обратя» (1, XXXVI). У светского бездельника иной отсчет времени, чем у трудового Петербурга: «Полусонный / В постелю с бала едет он: / А Петербург неугомонный уж барабаном пробужден...» (1,XXXV). Соответственно и иное наполнение времени: «От три часа по крайней мере / Пред зеркалами проводил» (1,XXV). В деревне Онегин встает рано («В седьмом часу вставал он летом» - 4,XXXVI. XXXVII), соотносясь с естественным природным течением времени. Но и в городе, и в деревне, «порядка враг и расточитель», Онегин живет, глядя на часы. И гуляет он, «Пока недремлющий брегет / Не прозвонит ему обед» (1, XV), и обедает до того часа, когда «звон брегета им доносит, / Что новый начался балет» (1, XVII).

Никакой другой праздник не фиксирует так индивидуальное движение времени, как «веселый праздник именин» (5,XXV). Случайно ли за эпизодами, изображающими именины Татьяны, следуют эпизоды дуэли и гибели Ленского? «Пробили / Часы урочные: поэт / Роняет молча пистолет» (6,XXX), - часы, указывающие на начало или конец того или иного события, сейчас обозначают конец жизни. Именины отсчитывают назначенное судьбой время. Но человека может настичь и безвременная смерть: «Младой певец / Нашел безвременный конец!» (6,XXXV). Отец и дядя Онегина, как могли, использовали свои возможности. Ничем особенным не отличалась жизнь отца Онегина от обычного для человека его положения, о чем свидетельствуют трафаретные формулы служебного аттестата:

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец (1, III)

Вел обычную для помещика средней руки жизнь дядя Онегина:

Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил (2, III)

Ленский погибает «Во цвете радостных надежд». Смерть Ленского – нарушение, сбой в естественном течении жизни. Ленский становится жертвой –

несчастливого случая ли, собственной горячности или легкомыслия Онегина – «Несчастной жертвой Ленский пал» (Письмо Онегина к Татьяне). Жизнь обрывается за две недели до свадьбы, и остается только гадать, как бы сложилась судьба Ленского. «Быть может, он для блага мира / Иль хоть для славы был рожден» (6,XXXVII) – «А может быть и то: поэта / Обыкновенный ждал удел. / Прошли бы юности лета: / В нем пыл души бы охладел» (6, XXXVIII. XXXIX).

Человеку дано время и пространство, чтобы реализовать себя. «Но грустно думать, что напрасно / Была нам молодость дана» (8,XI), - подводит Пушкин итог ушедшей юности, своей ли, Онегина?.. «Несносно видеть пред собою / Одних обедов длинный ряд» (8, XI), – в свои 26 лет Онегин имеет основания так сказать о своей жизни. Жизнь сводится к длинному ряду обедов и человек обречен «вслед за чинною толпою / Идти, не разделяя с ней / Ни общих мнений, ни страстей» (8, XI). Так начинается последняя, восьмая глава, которой предшествует положенное по правилам классицизма вступление. Правда, о необходимости вступления к роману автор вспоминает только к концу предпоследней, седьмой главы, а содержание вступления вряд ли бы приняли классицисты, которые воспевали жизнь по законам разума и долга. У Пушкина же: «Пою приятеля младого / И множество его причуд» (7,LV). Но объяснение внезапного обращения Пушкина к классицизму («Я классицизму отдал честь, / Хоть поздно, а вступление есть» - (7,LV) следует искать не только в желании пародийно обыграть обветшавшие правила классицистской литературы. Пушкин решает воспеть своего героя, накануне перелома, который происходит в Онегине.

Восьмая глава по внешнему рисунку напоминает первую. Онегин снова в Петербурге, снова в большом свете, снова удаляется от общества:

От света вновь отрекся он.
И в молчаливом кабинете
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете... (8, XXXIV)

И тогда, и теперь от шума света герой удаляется в тишину «молчаливого кабинета». И тогда, и теперь, оставляя свет, он обращается к книгам. И теперь книги не могут удержать его внимание: «Глаза его читали, / Но мысли были далеко» (8,XXXVI). Сравнение эпизодов чтения Онегиным книг в первой и восьмой главах позволяет понять, какая бездна лежит между прежним и нынешним Евгением. В первой главе он читает, «томясь душевной пустотой» (1,XLIV) и, пытаясь чем-то заполнить эту пустоту души, «себе присвоив ум чужой» (1,XLIV). Примечательно, что холод души Пушкин связывает с ядом отрицания всего и всех: «Там скука, там обман иль бред; / В том совести, в том смысла нет» (1, XLIV). Или в другом месте: «Всех пора на смену» (1,XXI). Онегин восьмой главы читает «без разбора», «не отвергая ничего» (8,XXXV). Дело не в том, что неприятие жизни сменилось неразборчивым приятием. Дело

в том, что Онегин обрел счастье и страдание любви, а вместе с ними пришло время движения души.

Первая глава наполнена движением в смысле быстроты перемещения в пространстве: «Летя в пыли на почтовых» (1,VI), «К Talon помчался» (1, XVI), «Онегин полетел к театру» (1,XVII), «Швейцара мимо он стрелой / Взлетел по мраморным ступеням» (1,XXVIII). На фоне мрамора, застывшего в своей неподвижности, стремительность Онегина особенно явственна. «И жить торопится и чувствовать спешит», - такой эпиграф предпослан первой главе романа. Перед читателем мелькают картины, рисующие образ жизни Онегина: ресторан, бал, театр, многочисленные любовные похождения и сменяющие друг друга удовольствия... От радостей, которые достаются даром, устаешь, они становятся привычными и перестают быть желанными. Пушкин находит, казалось бы, неподходящее в данном контексте слово «терпел»: «Балеты долго я терпел, / Но и Дидло мне надоел» (1,XXI). Как иные терпят нужду, унижения, боль, так «терпит» Онегин развлечения. Пресыщенный и утомленный, он теряет вкус жизни. Несчастье Онегина в том, что он защищен от страданий. И не только социальным положением, материальной обеспеченностью, незанятостью, свободой от бытовых проблем и труда, как считал Д.Писарев, уверяя, что, если бы Онегину пришлось заботиться о куске хлеба, то он мгновенно избавился бы от своей хандры. Праздник жизни уничтожается праздностью: Онегина научили только развлекаться. Но приходит момент, когда герой уже не может видеть в развлечениях смысл жизни. Онегин утрачивает мотивацию и впадает в жизнеотрицающую хандру. Онегин обделен страданиями (это только кажется, что обделенным можно быть только радостями), потому что не умеет любить: любить жизнь, искусство, природу, женщину. Пушкинский герой не умеет найти любимое дело. Для него любовь – это всего лишь «наука страсти нежной» (1,VIII). Для Онегина любовь – это завоевание женских сердец, преодоление сопротивления. Это занятие, интересное до тех пор, пока женщина не оказывается в твоей власти («И после ей наедине / Давать уроки в тишине!»). Онегин говорит Татьяне: «Я, сколько ни любил бы вас, / Привыкнув, разлюблю тотчас» (4, XIV). Та любовь, которую знает Онегин, сводится лишь ко все тому же поиску разнообразия, новизны, смены впечатлений. Такая любовь боится привычки, «замены счастьем», а счастье видится лишь в свежих и острых ощущениях. Такие отношения не ранят сердце: «В красавиц он уж не влюблялся, / А волочился как-нибудь; / Откажут – мигом утешался; / Изменят – рад был отдохнуть. / Он их искал без упоенья, / А оставлял без сожаленья» (4,X). Бросается в глаза неопределенно-личностная форма 3-его лица множественного числа глагола: они откажут, изменят. Множественность женщин («красавиц»), легко и безболезненно меняющихся, не затрагивает глубины сердца, которое «мигом» утешается отказом или изменой. В погоне Онегина за разнообразием наслаждений нет души, а значит, нет и жизни. Душу автор находит в искусстве балета («русской Терпсихоры / Душой исполненный полет» - 1,XIX), жизнь – в описании гастрономических изысков («И Страсбурга

пирог нетленный / Меж сыром лимбургским живым» - 1, XVI). Движения балерины («и вдруг летит, / Летит, как пух из уст Эола» - 1, XX) больше исполнены душой, чем полет Онегина от ресторана к театру.

В восьмой главе изображается другой человек: «Мечты, желания, печали / Теснились в душу глубоко» (8, XXXVI). Обнаруживается глубина души, способной мечтать, страдать, любить. Душа переполнена мечтами, желаниями, печалью, которым тесно, так всего много. У такого человека открывается духовное зрение, позволяющее видеть то, что было недоступно умному, насмешливому скептику Онегину. Только такие глаза позволяют читать между строк – то, что не сказано, а таится между строк: «Он меж печатными строками / Читал духовными глазами / Другие строки» (8, XXXVI). И не важно, что книга занимает Онегина меньше того, чем он сейчас живет. Важна обретенная героем духовная глубина («был совершенно углублен» - 8, XXXVI). Легкость полета по жизни, не затрагивающего существа человека, уходит, и обретается глубина духовной жизни, оживляющая героя, пробуждающая для жизни. Онегин, смертельно раненый любовью («Идет, на мертвеца похожий» - 8, XL), обретает жизнь души, смысл жизни, идеал. Легкое и бездумное скольжение по морю удовольствий (Онегин первой главы) оказывается опровергнутым серьезным, глубоким, трагическим чувством, которое только и дает герою ощущение подлинной жизни.

Когда приходит подлинное чувство, в возможность которого Онегин некогда не верил, «рой изменниц молодых» вытесняется одной картиной: «она... и все она!» (8, XXXVII). Вместе с любовью приходит страдание, уничтожающее, разрушающее:

Онегин сохнет – и едва ль

Уж не чахоткою страдает (XXXI)

И вот - так у Пушкина – боль и жажда любви, ставящие Онегина на грань между жизнью и смертью, дают подлинное наполнение жизни. На этом уровне Онегин и чутко следующий за ним читатель понимают: волокитство и погоня за наслаждениями имитировали жизнь, являясь той «утешительной подменой», о которой так часто упоминает Пушкин на страницах романа. Любовь к Татьяне – подлинная, глубокая, перерождающая Онегина – открывает перед скептиком Онегиным те возможности, которые он никогда не предполагал для себя – стать поэтом, сойти с ума, умереть от любви. И Онегин близок к несвойственному ему поэтическому видению мира, близок к безумию и смерти. «И он не сделался поэтом, Не умер, не сошел с ума» (8, XXXI), - констатирует Пушкин уход героя от следования одной из предполагаемых и очень реальных для Евгения этой поры возможностей, но не от любви, не от надежды. Онегин восьмой главы, страдающий, умирающий от любви, постигает, что смысл жизни – не в эгоистическом удовлетворении желаний, замыкающих человека на себе, а в жизни во имя, ради другого человека («Но, чтоб продлилась жизнь моя, / Я утром должен быть уверен, / Что с вами днем увижусь я» - Письмо Онегина к Татьяне).

Критики упрекают Онегина в готовности погубить Татьяну: зная законы света, он не может не понимать, чем грозит любимой женщине решение ответить на его чувства. Но у Пушкина другое: герои поменялись местами. Татьяна, усвоившая урок, данный ей в юности Онегиным, научилась «властвовать собой». Теперь ее чувство не может быть безрассудным. Некогда Онегин, боясь утратить честь, не посмел отказаться от дуэли. Теперь Татьяна помнит о чести. Для нее женская честь – в верности нелюбимому мужу. Татьяна не верит в чувства Онегина, они оскорбляют ее именно потому, что ее «позор» мог бы ему принести «соблазнительную честь» (8, XLIV). Для Татьяны-княгини честь выше любви. Онегин, впервые обретший любовь, впервые же забывает о требованиях чести. Пушкин не опровергает подозрений своей героини, но он и не единым словом не подтверждает их истинность. Картины страданий Онегина, умирающего от любви, говорят не об искании «соблазнительной чести», а о неспособности думать о чем бы то ни было, кроме своего всепоглощающего чувства. Теперь уже Онегин не в состоянии «властвовать собой». Его неловкость в общении («Угрюмый, неловкий, он едва-едва / Ей отвечает» - 8, XXII) так непохожа на некогда присущую ему не принужденность и легкость («и кланялся непринужденно» (1, IV)). Человек, который добивается «соблазнительной чести», должен был бы помнить о том, что единственно ценится в свете, – о внешнем блеске.

Добиваясь любви Татьяны, Онегин перерастает свойственные ему в юности душевную сухость и скептицизм. В нем открывается поэтическое начало, позволяющее видеть красоту (и не ряд удовольствий) жизни. Онегин обретает духовную глубину, способность читать книгу жизни «духовными глазами» (8, XXXVI). «Мертвый сон». «Мертвым сном» спит Онегин в ночь накануне убийства Ленского) сменяется духовным пробуждением. Теперь уже с Онегиным не соотносима характеристика второй главы:

Мы дочитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно (2, XIV)

Огульный критицизм сменяется способностью отличить пустоту и бездуховность «самолюбивых ничтожностей» от аристократов духа. «Наука страсти нежной», освоением которой прежде так гордился Евгений, оказывается бессильной перед настоящим чувством. Неверие в любовь и идеал уступают место преклонению («понимать / Душой все ваше совершенство» - Письмо Онегина к Татьяне). Потребность в смене впечатлений и погоня за наслаждениями остаются в прошлом. Онегиным руководит теперь непреходящее чувство, в свете которого и страдания любви желанны («Пред вами в муках замирать, Бледнеть и гаснуть ... вот блаженство!» - Письмо Онегина к Татьяне). Онегин последней главы обретает смысл жизни. Он слышит

признание в ответном чувстве: «Я вас люблю (К чему лукавить?)» – 8, XLVII. И счастье оказывается «так возможно, / Так близко» (8, XLVII). Но судьба Татьяны «уж решена». Наверно, путь к идеалу и есть такой, каким его показывает Пушкин. Кажется, обретаешь его, приближаешься к нему, а он снова оказывается недоступным. Жизнь – бесконечное движение. И если обрела движение и жизнь души, как это произошло с Онегиным, значит «чаша жизни» дана человеку не напрасно, и тогда единственным опасением становится боязнь исчерпать себя. В этом смысл финальной строфы романа:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочёл ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим (8, LI)

Пушкин оставляет свой роман жизни неоконченным, бросив героя «в минуту злую для него» (8, LVIII). К читателю он обращается с поздравлением: «Поздравим / Друг друга с берегом» (8, LVIII). Берег для Онегина и Татьяны читателю не открыт. Им предстоит река жизни – тот «праздник жизни», который несет с собой радости и огорчения, счастье и страдание, для которого разрушительны привычка и бездуховность. Онегин, испытанный той и другой, оставлен автором далеко от берега. Пока человек живет, он ищет. Сюжетное закругление романа могло бы внушить мысль о завершенности исканий героев, остановке в развитии. Пушкин не был бы Пушкиным, если бы поставил точку в духовном движении своих героев.

Единственная реальная, а не иллюзорная цель жизненного странствия – это непрерывное саморазвитие личности, ее движение от фиктивных ценностей к истинным. Пушкин не был бы реалистом, если бы выстроил судьбы своих героев по прямой линии – из колыбели к совершенству. Через ошибки и заблуждения идут Онегин и Татьяна к точной оценке конкретной ситуации, позволяющей принять решение, верное именно для этой ситуации (когда и кому писать письмо, когда и кому открывать сердце, какие вызовы принимать, от каких условностей отказываться). Герои приходят к пониманию необходимости учиться не «науке страсти нежной», а искусству сделать каждое мгновение своей жизни «душой исполненным полетом», праздником, произведением искусства. Реализм – это и есть метод постижения не только универсальных общечеловеческих законов (что свойственно, например, классицизму или романтизму), но прежде всего искусство понимания того, что происходит здесь и сейчас – в конкретном времени и конкретном пространстве. Выход в вечность осуществляется в первом русском реалистическом романе через изображение социума, конкретных жизненных ситуаций, вырастающих из определенных социально-исторических обстоятельств. Но эпизоды жизни дворянина Онегина перерастают рамки бытоописательного романа. Пушкин писал свой роман вовсе не потому, что хотел увековечить быт русского дворянства в период после

Отечественной войны 1812 г. и накануне декабристского восстания. И если мы будем искать в «Евгении Онегине» только приметы времени, то снимем только поверхностный пласт содержания. Каждый эпизод романа заставляет задуматься о смысле жизни, вечности и любви. В высшей степени примечательно, что первый русский реалистический роман «Евгений Онегин», как и первая русская реалистическая комедия «Горе от ума», написаны в стихах. Реализм – это изображение прозы жизни, одухотворенное высокой поэзией, это изображение преходящего в свете вечного, это изображение типичных характеров в типичных обстоятельствах, поверяемое ощущением причастности к Целому, это исследование эмпирической повседневности в ракурсе борьбы Добра и Зла, Жизни и Смерти.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ